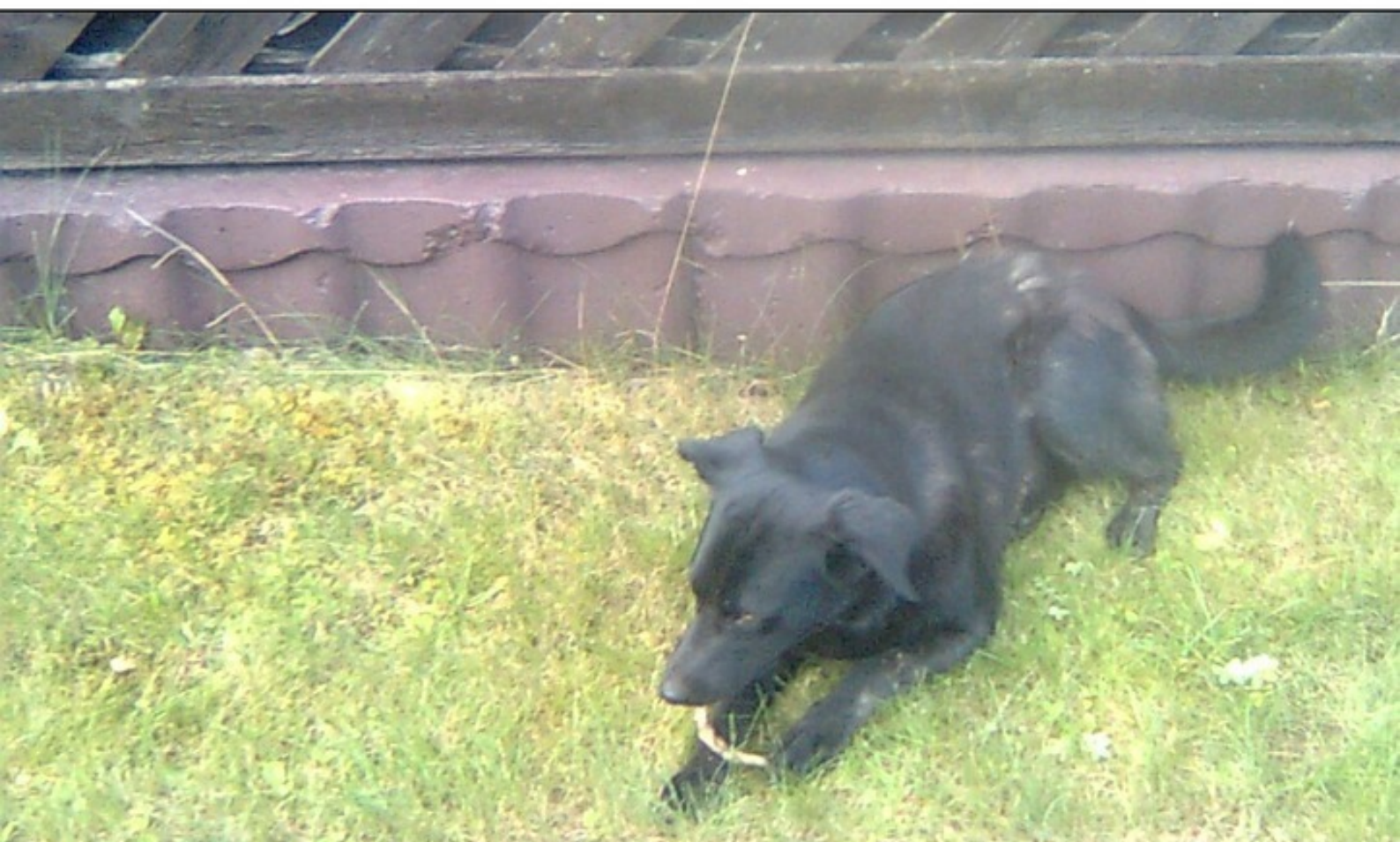

Сергий Чернец

Кузя – черная собака

Сборник рассказов и эссе

Сергий Чернец

**Кузя – черная собака.
Сборник рассказов и эссе**

«Издательские решения»

Чернец С.

Кузя – черная собака. Сборник рассказов и эссе / С. Чернец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831851-1

Интересные рассказы, взятые из жизни, и рассуждения, эссе тоже о нашей жизни. Написаны для широкого круга читателей. Они несут извечные философские истины, народную мудрость, накопленную поколениями наших предков. И раскрыты они в простой доступной форме.

ISBN 978-5-44-831851-1

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Вопрос: о чем пишет писатель?	6
Рассказы	7
Скучный и злой	7
Часть 1. Скучный человек	7
Часть 2. Гастарбайтер	9
Часть 3. Андрей Ефимович Скучный	11
Часть 4. Встреча	13
Часть 5. Беседы	15
Часть 6. Религия	18
Часть 7. Стройка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кузя – черная собака
Сборник рассказов и эссе
Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2016

ISBN 978-5-4483-1851-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вопрос: о чем пишет писатель? Вместо вступления

Частенько такой вопрос звучит от обывателей, которые узнают, что человек, встретившийся им на пути – писатель. И этот вопрос ставит в тупик самого писателя и людей его близких, у которых обыватели спрашивают: а о чем он пишет – этот писатель?

Как бы ответил тот, задающий вопрос обыватель на этот вопрос, если спросить о писателях известных всем. Например: о чем писал Пушкин? О любви? – у него есть Евгений Онегин! Сказки писал Пушкин? – у него есть Руслан и Людмила! А может про бунт русских людей: у него и Капитанская дочка рассказ, и Дубровский – написаны! Так о чем писал Пушкин?

Еще же, если спросить, – о чем писал Лев Толстой. Про войну 1812 года? А может о несчастной любви? – у него есть Анна Каренина! А может про монаха? Есть у него Отец Сергий рассказ! и другие прочие.

А вот тот же Чехов: о чем же он писал? Про то как Злоумышленник гайки с рельсов скручивал? Или про Вишневый сад? А может про психбольницу? У него палата №6 – знаменитая.

Так и с другими писателями. Нельзя определить резко: тот писатель пишет – о том-то! Есть определенные типы писательской «специализации», и это узкие специалисты: писатели фантасты – братья Стругатские например, писатели сатирики – Трушкин, Задорнов и другие. Есть писатели историки. Но как водится – узкий специалист, не вполне ученый: ученый математик – ничего не знает в биологии, в генетике и наоборот, – ученый биолог – не ориентируется во Неэвклидовой геометрии Лобачевского. Поэтому назваться писателем может не каждый: Оноре де Бальзак, например, написал Божественную комедию, состоящую из более 30-ти романов. И он описал все слои тогдашнего общества. Все профессии он описал в точности: и кожаное дело: Шагреновая кожа, и магов и факиров, и дворян и лавочников и торговцев! Как сказать, как ответить на вопрос: о чем писал Оноре Бальзак? – он писал обо всей жизни всего общества, обо всем!!! Вот такой бывает Писатель, писатель с большой буквы. Ну, а к большой букве стремятся все писатели, каждый мечтает стать хорошим в своем деле: плох тот солдат, который не мечтает быть генералом, – сказал известный великий человек.

Рассказы

Скучный и злой Из классики, стилизация

Часть 1. Скучный человек

Жизнь иногда проходит быстро, так что и времени не хватает всё сделать-переделать. А потом, вдруг, случается затишье, наступает некая «скука-жизни». Как бы надоедает повседневное однообразие дней, похожих друг на друга как один.

Человек обыкновенно встает утром в 7 часов, одевается и пьет чай. Потом идет на работу и выполняет ежедневное свое дело с утра до обеда... Сегодня делаешь свою работу, а завтра, глядишь, опять надо это же дело делать, послезавтра – «снова-здорово», и так изо дня в день, из года в год. Поначалу, вроде как, шевелится всё... и работается в силу инерции, но инерция затухает в виду «разнообразия», в кавычках.

И заводится друг, с примерно одинаковой жизненной установкой. И жизнь его протекает также однообразно. Но, чтобы не потерять бодрый, здоровый вид, друг этот находит выход в раздражении: если случается, что кто-то протестует, не соглашается с ним или просто начинает рассуждать, то он багровеет, трясется всем телом и кричит громким своим басом: «замолчи... и прочее». Тогда за ним закрепляется «слава», репутация «злого», «психованного».

Друг, однако, уважает скучающего, «скучного» и по виду внешнему унылого своего товарища за образованность и благородство души. Он часто приходит с полторашками пива к нему домой, где они могут откровенно разговаривать, беседовать обо всем на свете.

Приятели садятся в комнате на диване и некоторое время молча курят.

– Ну что ж, открывай бутылочку! – говорит «скучный» Андрей Ефимович, подставляя стаканы поближе к краю стола на сторону «злого», здорового Михаила Антоновича.

Первый стакан выпивают тоже почти молча, только причмокивая и цокая языком, нахваливая вкус: «хорошо!». Разговор всегда начинается «Скучный».

Говорил он медленно и тихо, покачивая головой и не глядя в глаза собеседнику (он и в других разговорах никогда не смотрел в глаза людям).

– Плохо, плохо всё в нашей жизни, жалко даже. В нашем городе совсем нет людей, с кем бы можно было поговорить. Умных и хороших людей не осталось. Это плохо, что люди не общаются, а если и говорят, то одни пошлости и сплетни. Даже интеллигенция опошлела до невозможности. Видим на ТВ и так, что уровень развития людей образованных, в словах их, нисколько не выше чем у низких слоев.

– Совершенно верно. Согласен, – отвечал Злой, закуривая очередную сигарету, отхлебнув из очередного налитого стакана. (Он всегда соглашался с людьми умнее его, а если очень многие были умнее его, то соглашался он со всеми почти людьми и к этому привык.) Злился же он на равных себе работяг, хотя и среди них были люди умные, умнее его, но тут решало всё положение в общественной иерархии. Друг его, Скучный, – был на большей должности, чем сам Злой. А Злой был бригадиром строительной бригады. Скучный же работал в офисе строительной фирмы и для Злого, явно, был «начальником».

– Да ты и сам посмотри, знаешь же, что на этом свете всё уже неинтересно, всё уже ничего не значит: всему уже нашлось объяснение научное. Кроме духовных проявлений чело-

веческого ума всё уже известно в мире. Только ум проводит резкую грань между животным миром и человеком. Это намекает на божественность человека, – ведь, что только не творят, как и Творец Творил. Вот оно, творчество и заменяет человеку бессмертие, которого нет в действительности. Творчество сохраняется в веках и сохраняет имя человека, память о творческом человеке долго живо. Исходя из этого, ум творческий служит единственно возможным источником наслаждения. А мы же, простые и не творческие люди, и не слышим около себя умного ничего вокруг, – а значит, мы лишены удовольствия и наслаждения, поэтому жизнь наша скучна. Правда у нас есть книги, творения тех «бессмертных» людей. Но это совсем не то, что живая беседа с человеком и общение. Я могу сделать некоторое сравнение: книги – это лишь как ноты, аккорды, написанные для музыкантов. А вот общение и беседа – это как живое пение живого певца. —

– Совершенно верно – отвечал Злой, не сразу улавливая о чем шла речь.
Наступало молчание. Каждый обдумывал свое.

– Эх! – вздыхал Скучный. – Что ж мы хотим от нынешних людей еще и ума да умных бесед!?!

И он начинал рассказывать, как раньше жилось здорово, весело и интересно. Какие в стране целой были умные, добрые, общительные люди. И были понятия о чести и дружбе. Давали деньги взаймы без всяких проволочек и расписок, помогали друг другу. И считалось позором, если не протянешь руку помощи нуждающемуся товарищу, соседу.

Злой же в ответ, вспоминал: какие были походы, приключения, были стычки и драки один на один, всё по благородному: до первой крови. А какие были товарищи, какие были женщины.... И все всегда отзывчивые и добрые. А как пили – тоже пиво, бидонами, за столиками в беседках во дворах, за игрой в домино. Теперь же на всё запрет! Не только на пиво, на общение запрет наложили! Детей ясно учат – не разговаривать с незнакомыми, – а они вырастают и несут этот запрет во взрослую жизнь: не разговаривают ни с кем. Упадет человек, плохо ему, – все сотни людей пройдут мимо.

Скучный, Андрей Ефимович, слушает Злого, Михаила Антоновича, и не слышит его; он о чем-то думает и прихлебывает пиво.

– Мне часто снятся умные люди, и как будто я с ними беседую, – говорит он неожиданно перебивая Злого. – Знаешь, в наше время было прекрасное образование. Под влиянием идеи «о светлом будущем» мы все стремились к знаниям, читали книги, не даром страна была самая читающая в мире! Я даже ходил в Центральную научную библиотеку, в читальный зал и прочитал кучу литературы фантастической: про будущее, когда будут потрясающие города и общество красивых и добрых, а главное умных людей. Ефремова очень любил, Стругатских и прочих. Но отец у меня был очень практичный человек и поэтому, под его влиянием, я пошел в Строительный техникум. Мне кажется, что если бы я тогда не послушался отца, то теперь бы я находился бы в самом центре умственного движения. Ведь я писал стишки, ходил на факультатив в школе, в кружок литературный. У нас была замечательная учительница литературы, Марь Ванна. Она нам читала с выражением и чувством стихи Есенина: «Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты, унесу я пьяную до утра в кусты...» – и краснела при этом, очевидно стесняясь учеников 10-го класса. Как высока была нравственность. А отсюда – любопытство, все девчонки увлекались романами о любви. Конечно, ум тоже не вечен и он упраздняется, как мы можем видеть от поколения к поколению. Но ты уже знаешь, что я до сих пор питаю к уму склонность – я же много читаю. – говорил неспеша Скучный и вновь открытую последнюю бутылку потренировал сам наливая себе в стакан.

– Жизнь есть такая досадная ловушка, – продолжал рассуждать Скучный. – Когда мыслящий человек достигает возмужалости ума и к нему приходит зрелое сознание, то он невольно чувствует себя в ловушке, из которой нет выхода. Впереди ожидает его небытие, смерть всему

и его уму тоже. В самом деле, что происходит: вопреки его воли вызван он из небытия к жизни.... Вопрос: зачем? Хочется человеку узнать смысл и цель своего существования, а ему не говорят или же говорят сущие нелепости: как в религиях – для славы Богов, для прославления Бога. Он стучится в научные двери – и тут тишина безответная, не открывают! Смысла нет, всё – просто так! К человеку приходит смерть – и тоже против его воли. Отсюда выходит казус! И вот, как в тюрьме, люди сидят, связанные общим несчастьем, и чувствуют себя легче, когда сходятся вместе, объединяются в группы, в «семейки», – так и в жизни, люди не замечают ловушки этого «белого света», на который рождаются, когда они, склонные к анализу и обобщениям, сходятся вместе и проводят время в обмене гордых, свободных идей.

– Совершенно согласен, – совершенно не вникая и не пытаясь понять, говорит Злой.

Не глядя собеседнику в глаза, спокойно и с паузами, Скучный, Андрей Ефимович, продолжает философствовать, и говорит об умных людях, которые всегда были, и которые где-то непременно есть сейчас. И как было бы здорово встретить умного человека и побеседовать с ним. А Злой, Михаил Антонович, внимательно слушает его и соглашается: «Совершенно верно».

– А ты веришь в бессмертие души? – вдруг, спрашивает Злой.

– Нет, дружище, не верю и не имею основания верить – отвечает Скучный.

– И я что-то сомневаюсь. А хотя, у меня есть такое чувство, как будто я никогда не умру. Иногда говорю себе сам: Ой, старый хрен, придет ведь пора умирать, ой придет! А в душе теплится голосочек: не верь, не умрешь!... душа, вот та и останется.-

Вечер заканчивается, когда и пиво заканчивается.

Одевая в передней куртку и шапку, Злой со вздохом говорит:

– Однако в какую глушь нас судьба занесла! Хуже всего, что здесь и умирать придется! Эх! – с тем и уходит.

Часть 2. Гастарбайтер

Гастарбайтеры

Это слово означает, с немецкого языка – *Gastarbeiter*; дословно: гость-работник – и является жаргонизмом, обозначающим иностранца, работающего по временному найму.

Слово это было заимствовано в конце 1990-х из немецкого языка на русский и получило широкое распространение в СМИ на территории СНГ, сначала в Москве и Санкт-Петербурге, а затем вошло в разговорную русскую речь.

В отличие от таких слов, как «гастроль» (выступление в гостях), «гаст-профессор» (приглашенный для чтения курса в другой ВУЗ), пришедших в русский из немецкого, слово «гастарбайтер» иногда воспринимается не как нейтральное, а имеющее негативную окраску.

Наибольшее число иностранных мигрантов в 2013 году проживало в США (45,8 млн. человек), или 19,8% от их общей численности.

В немецком языке этот термин – «гастарбайтер» изначально имел несколько другой смысл. Он был введен в обиход с целью замены существовавшего до этого термина «Фремдармбайтер» (нем. *Fremdarbeiter*), который был с нацистских времён, и обозначал работников, привезённых с целью принудительных работ в Германии. Новый термин – гастарбайтер, не нёс негативной окраски старого термина, и обозначал работников, добровольно приехавших для работы в Германию по приглашению немецкого правительства.

В словарях русского языка начала девяностых слово было зафиксировано с ударением на немецкий манер (гастарбайтер), но очень скоро в разговорной речи ударение сместилось ближе к концу слова (гастарбайтер). Довольно часто, особенно в малограмотной социальной среде, используются ошибочные варианты «гастрабайтер» и «гастробайтер», реже – «гастраибайтер».

Поток мигрантов в СНГ не был вызван приглашениями, как в Германии, поэтому слово *гастарбайтер* носит иронический характер. Сами гастарбайтеры в СНГ зачастую считают применение к ним этого термина оскорбительным.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Гастарбайтер>

Михаил Антонович, бригадир комплексной бригады по методу Злобина, ранее работал в Республиканском строительном тресте, который ввиду перестройки, развала страны и перехода от социализма к капитализму и рыночной экономике, – рассыпался на ООО, общества с ограниченной ответственностью, по маленьким управлениям. СУ – стройуправления Треста стали отдельными фирмами, а некоторые развалились и закрылись сразу, распродав свои материальные ценности: технику, здания складов, тем же устоявшим фирмам ООО.

Так случилось и с их ССУ (специальным строительным управлением), где работал Михаил Антонович. Акционерная фирма не выдержала конкуренции и не найдя заказов и тендеров, осталась без работы. Акции фирмы были розданы рабочим и служащим, по которым они получили небольшие денежные суммы. ССУ 8, бывшее управление Треста потерпело банкротство, и сотни рабочих остались без работы.

Вынуждено, пришлось Михаилу Антоновичу искать работу на стороне. И уехал он в крупный город, где еще строительство процветало, а рабочих не хватало, тем более квалифицированных.

Многие рабочие из маленьких городов провинции ринулись в крупные города искать заработки. Они являлись некими «гастарбайтерами». А на этом наживались фирмы посредники. Фирмы-работодатели заключали договора, собирали бригады гастарбайтеров, которым обещали много: и зарплату высокую и жилье..., а на самом деле много было обмана и «кидалова».

Михаил Антонович не попал под явное кидалово, но ошибся тоже, первоначально, приехав с бригадой, собранной фирмой-посредником с громким названием «Профессионалы».

Он пришел в фирму-посредник в конце 90-х, найдя адрес по объявлению в расхожей газете «Из рук в руки». Фирма предлагала обеспечить работой с заработком в три раза больше, чем у них в регионе (примерно: он получал в своей ССУ-8 – 4 тысячи в месяц, а там предлагали 15 тысяч). Обеспечивалось жилье – проживание в общежитии и работа вахтой 15 на 15. Фирма-посредник снимала пару комнат, один кабинет, в здании Управления транспорта (Автотранс управление).

Как принято, официально, Михаилу дали заполнить анкету, где он указал свою профессию и прочее. Через день, у здания Автотранса их ждал автобус, огромный туристический, и повезли 22 человека – бригаду строителей на далекий объект, в пригород крупного города.

По приезду оказалось, что провинциалы строители: каменщики и плотники, не знали и впервые попали на строительство монолитно-бетонного дома. Уже стоял первый этаж небольшого двух подъездного здания. Нужно было из арматуры скручивать каркасы для стен, арматуру вязали проволокой, потом огораживать каркасы щитами и заливать бетоном. Всем пришлось переквалифицироваться, учились «находу».

Плотникам, правда, работа нашлась и по их специальности: изготавливать из фанеры коробки на окна, на двери, и на отверстия для канализации, и маленькие, для розеток электричества. Их, коробки, ставили в опалубку стен вплотную к щитам. Чем и занялся плотник Михаил.

Бригада работала от темноты до темноты, – им сказали: чем быстрее закончат этаж, тем быстрее им заплатят. Жилье было действительно в ««общежитии», устроенном в заброшенном здании закрывшегося в начале 90-х завода. В административном здании с проходной, по длинному коридору второго этажа двери кабинетов. Из кабинетов устроили комнаты общежития: в них поставили двухъярусные кровати, тут же была поставлена электрическая плита для приготовления пищи, выданы были чайники.

На работу ходили пешком, почти строем, рано утром шли по улицам пригорода, пугая прохожих. И на работе устроена была столовая в вагончике, выделен был повар и к нему помощник, которые ходили и закупали продукты на местном рынке и готовили обед. Деньги на продукты получал бригадир, поставленный от фирмы-посредника. Условия были не очень хорошие. Но еще хуже оказалось, что за все надо было платить, о чем им не сообщали до самого конца.

Этаж дома с горем пополам они залили, построили. Но из-за того, чтобы закончить, задержались на 25 дней, вместо 15, обещанных фирмой, смены так и не приехало. Когда же, наконец, был день расчета, получки, деньги привезли в общежитие с охраной омовцами, омовцы охраняли бухгалтера фирмы и их работников. Скандал случился довольно большой. Им выдали меньше половины от обещанной зарплаты: высчитали за проживание в общежитии и за питание. И домой их никто отвозить не собирался, нужно было добираться своим ходом. Скандал устраивали особо ретивые рабочие их бригады прямо в общежитии. Но омовцы «выперли» всех из общежития, которое закрывалось, как было объявлено, аренда помещения не была оплачена фирмой.

Так наш Михаил Антонович оказался на вокзале, в большом городе. Тут было много рабочих «попавших», «кинутых», с которыми он познакомился. Он услышал более страшные истории: как рабочих грабили, избивали и отбирали последние заработанные деньги, выгоняя из вагончиков, в которых жили они прямо возле объектов строительных. Еще хорошо, что он легко «отделался», и кое какие деньги всё же получил.

Трудное было время.

Михаилу, как бы, повезло встретить хорошего человека, который ему помог устроиться в большом городе в настоящую строительную организацию.

Часть 3. Андрей Ефимович Скучный

В молодые годы Андрей Ефимович жил и работал очень усердно. Он принимал участие во всевозможных новшествах и постепенно сделал себе карьеру. Начинал с прораба, потом учился на заочном в Политехе, вечерами сидел над книгами, и стал-таки инженером-строителем. А потом придумал скупать акции предприятия у рабочих увольняющихся и уходящих на пенсию, – так он вошел в Совет директоров Строительной организации и был одним из ведущих инженеров.

И всё было хорошо в его жизни, только за всей суетой в своей карьере, которой он посвящал всё свое время, – он не замечал людей окружающих, близких и родных.

А родные уходили из жизни и все незаметно, как бы «между прочим» для него. Уходили дяди и тети, на похоронах которых он присутствовал только по формальному, убегая «по делам». Так, во время похорон отца он так и не отдал «последнего целования» перед закрытием гроба и опусканием его в могилу: ему позвонили, и срочно, с кладбища, он уехал на совещание, где обсуждали очередной выигранный тренд на строительство крупного объекта. Гроб отца заколотили, и опустили в могилу и закопали без Андрея Ефимовича. Мать ему пыталась несколько раз потом поставить в упрек. Но сама она быстро высохла, сдала и умерла через год после смерти отца. Так остался Андрей Ефимович один одинешенек.

Но в жизни ему всегда было «некогда», он был занят. Читая много технической литературы, он читал еще много литературы художественной, любил и философию и фантастику. В редкие минуты отдыха, дома, он сам про себя философствовал и рассуждал, и даже пытался что-то записывать: типа эссе (читал Мишеля Монтеня).

«Да и зачем мешать людям умирать, если смерть это нормальный и законный конец эволюции природы? Что из того, что старый, измученный болезнями человек проживет лишних пять лет? Только принесет он страдания и беспокойство окружающим его родным и близким! Вот, вроде бы, всякие философии говорят и учат, что страдания ведут человека к совершенству. Но это всё бывает связано с мифами религиозными. До сих пор половина человечества мечтает о счастье в загробном мире, а реальность мира не такова, чтобы жить только мечтами и всё время, печалься и страдая, поминать близких умерших, – то будет не жизнь. Даже бактерии и мелкие амебы живут одномоментно, сегодня и сейчас. Весь животный мир Земли живет, забывая про смерть!».

И Андрей Ефимович жил согласно своей философии и добивался карьерного роста и благ для себя лично: он жил – «сегодня и сейчас». А потому не гнушался обманывать людей и целые организации, добиваясь себе преференций, он подписывал заведомо ложные и подложные документы и прочее. В строительной организации его, однако, ценили, потому что его «хитрости» приводили фирму к процветанию. На высокие должности Андрей Ефимович, все-таки, не стремился, – не хотел быть ответственным, чтобы не «попасть» в немилость властям.

Невероятный поворот в жизни Андрея Ефимовича сделался при встрече с религией, которую он страстно до этого отвергал. Но и жизнь вернула его с «небес на землю». Всё течет и всё меняется – как говорит отвергаемая Андреем Ефимовичем религиозная философия. Меняется и человек, и не только с возрастом, старея, но и умнея и прозревая, неожиданно, по Воле Свыше.

Всевозможные аферы и обманы фирмы однажды закончились сменой руководства. За махинации и другие противоправные дела всё руководство угодило в тюрьмы, а фирма была «поглощена» – перекуплена более крупной Строительной организацией.

Работников не уволили, но работать пришлось теперь в другом режиме и под новым руководством. Сменилась вся бухгалтерия. Зарплата резко уменьшилась (не стало черной зарплаты в конвертах) и вся «разгульная» жизнь в свое удовольствие у Андрея Ефимовича прекратилась. Закончились посещения ресторанов, «корпоративы и вечеринки», которые раньше устраивались по поводу и без (просто, ради дня рождения одного из сотрудников). Пришел новый ген директор, новые начальники отделов. И к ним, начальником отдела, в котором Андрей Ефимович стал рядовым сотрудником, пришел Сергей Сергеевич, новый начальник.

Это был невысокий толстенький человек с розоватым чистовыбритым лицом, в новеньком костюмчике с галстуком, похожий на депутата больше, чем на строителя. Он был немолод и оказалось, обучался в том же Политехе, на том же факультете, что и Андрей Ефимович (заочно), только на вечернем отделении. Они могли встречаться в стенах института, и на этом их знакомство еще не закончилось.

Сразу же, новое начальство поменяло обстановку в офисе фирмы (новая метла...). В углу, в приемной был устроен «киот» – большой образ (икона) святого с висящей лампадой перед ним. Лампаду зажигали только один раз, когда приходил священник освящать офис. Новый начальник Сергей Сергеевич был религиозен и любил благолепие и порядок: на столах и в приемной и в кабинетах стояли теперь вазы с цветами. Цветы были искусственные, чтобы не тратиться на покупку живых погибающих. Начальник еще был невероятно экономным. А в его кабинете на стенах висели портреты не только руководителей страны, но и портреты архиереев, а также вид Святогорского монастыря.

Через несколько дней после знакомства, новый начальник пригласил Андрея Ефимовича сходить вместе на богослужение в Церковь и Андрей Ефимович не смел отказать. Был какой-

то церковный праздник и новый начальник, сменивший свой костюм на простенькую курточку, но всё еще в белой рубашке с галстуком, обращался к Андрею Ефимовичу по простому, как к соученику, напомнив, что они учились в одном и том же Вузе, в одно и то же время. Он в полголоса пояснял ход богослужения и значение празднования. Ничего особенно не понимая, Андрей Ефимович только кивал в ответ. А после службы, начальник Сергей Сергеевич подарил ему книгу религиозную, купив её в лавке, тут же на выходе из Храма. С этого всё и началось.

Не прочитать книгу было нельзя, было в нем какое чувство «услужливости», наверное, во всех нас сидит этот червь «раболепия», как же не угодить старшему, как же не послушаться начальства. И он стал изучать всё, что написано было в книге. А книга было «Закон Божий» для семьи и школы. Там на примере Символа Веры пояснялись самые изначальные постулаты Веры Христианской. Не сказать, чтобы сразу Андрей Андреевич стал верующим после прочтения Закона Божиего, но сомнения в своих прежних установках жизненных у него проявились. И тогда он задумался: значит, – всю свою жизнь я только и делал что грешил, и всю свою жизнь я прожил бездарно и никакого добра никому не принес, даже своим самым близким людям: отцу и матери, которые меня так любили и которые все делали для меня. А я для кого же живу, даже жены нет у меня, а возраст уже почтенный... и прочие и прочие ужасные по откровенности мысли стали посещать Андрея Ефимовича. Вот именно с этого времени он и стал «Скучным», новые люди в офисе, находили его, необщительного, именно таким – скучным человеком.

Часть 4. Встреча

Злой и Скучный встретились на вокзале, в закусочной с высокими круглыми столиками, за которыми принято стоять. Разговор начался спонтанно, с пары обычных фраз, а потом с предложения: «пиво будешь», со стороны Скучного продолжился. И тут Злой разоткровенничался, поведав Андрею Ефимовичу о своей беде: что остался без работы и денег, которых едва хватит на обратную дорогу домой, в регион, в провинцию.

Андрей Ефимович решил проявить свою доброту и, узнав, что весь пакет документов у Злого, Михаила Антоновича имеется при себе, – предложил ему проехать с ним в его Строй фирму и устроиться на работу.

«Доброта» проявилась в нем не случайно, ибо приобретая своё прозвище «Скучный», Андрей Ефимович изменился и внешне. А всё это чтение книг религиозной направленности: он, вдруг, начал сидеть и плечи его осунулись, то ли размышления в одиночестве, в двухкомнатной квартире и отсутствие общения повлияли. Но наружность его изменилась. Вид его и так был тяжелый и грубый, чисто мужицкий. Своим широкоскульным лицом, плосколежащими волосами и крепким неуклюжим телосложением он напоминал деревенского сибирского мужика. Лицо его стало суровое, покрытое синими жилками между морщин, глаза большие открытые и красный нос – придавало ему вид самоуверенный, крутой. Однако шаги его были тихие и вся походка осторожная, крадущаяся; при встречах в узких коридорах фирмы он всегда первым останавливался, чтобы пропустить и не баском, как ожидалось от крупного человека, а мягким тенорком говорил: «Извиняюсь!». Он перестал носить яркие беловыстиранные рубашки, одевал все серую или синюю однотонные с неброскими галстуками. Вообще, одеваться он стал не по-офисному. Одну и ту же куртку носил уже лет 5. Летом ветровку, тоже серую, которую купил на распродаже, будто поношенную и мятую, как старая. Перестал он рваться на вечеринки и приходил на корпоративы по необходимости, когда начальство обязывало быть всем непременно, ни с кем особенно не общаясь на них. Но всё это не по скудости, а от полного невнимания к своей наружности. Почти половину зарплаты он тратил на книги, так что дома у него одна из комнат заставлена была книжными шкафами. И книги были дорогие, как сборники философов: Шопенгауэра 4 тома и другие. А также на полках

стояли книги-основания всех религий. Были и БхагавадГита и Веды буддийские, Конфуций и Даосизм, еврейская Каббала и Йога соседствовали с Житиями Святых и так далее.

В новом своем знакомом Михаиле Антоновиче, «Злом», еще не имевшим такого прозвища, он нашел приятного собеседника, во многом с ним согласного (но как мы знаем, Злой как раз имел такую привычку соглашаться почти со всеми, кого считал вышестоящим). И как усвоилось из всех религиозных чтений: твори добро, делай добро, помогай людям, – Андрей Ефимович помог новому «собеседнику» устроиться на работу по специальности, и даже на две ночи пустил его ночевать в свою квартиру.

По последней записи в трудовой, которую оставили в фирме-посреднике, у Злого значилось: плотник-монтажник перекрытий монолитного домостроения. Благо и опыт уже имелся.

Первым делом нового работника поселили в общежитие-гостиницу, половину оплаты за которую вносила фирма. А за отсутствием денег Андрей Ефимович одолжил Михаилу Антоновичу требуемую сумму.

Во-вторых, нужна была регистрация в Большом городе, где милиция на улицах останавливала гастарбайтеров-понаехавших и нещадно обдираала их: 500 рублей при хорошем исходе и «добрых» ментах. Милиция организовывала облавы на объектах, где приезжие жили в вагончиках. И приурочены облавы были к моментам выдачи зарплаты, в начале и в конце месяца. Нагружали полные автобусы рабочих-мигрантов, отвозили их до ближайшего отделения, потом с каждого по 500 рублей и отпускали до следующей зарплаты.

А наш Михаил Антонович устроен был в местную, принадлежащую городу, бригаду. У них в фирму тоже брали приезжих-мигрантов, гастарбайтеров. Но жили они при объектах, хотя им делали регистрацию на месяц за определенную сумму, а многие были без регистрации. Это были отдельные бригады для уборки, подборки, доделки на объектах строительства и они получали на порядок меньше зарплату, считались «дешёвой рабсилой».

А наш Михаил устроен был официально, и как иногороднему ему оплачивали гостиницу, и регистрация была оформлена надолго.

Гостиница, в которой фирма снимала-арендовала комнаты, на самом деле представляла из себя самое настоящее общежитие для приезжих рабочих. В комнатах стояли двухъярусные кровати и возле каждой были тумбочки для жильцов. В комнате из трех двухъярусных кроватей они жили втроем, трое рабочих с одной фирмы.

Первый месяц Михаил Антонович прожил в ужасной экономии, впроголодь, так что у него иногда от голода кружилась голова: не было денег даже на необходимые продукты. Утром он пил чай, заваривая пакетик, иногда два старых пакетика по второму разу, съедал кусочка два от батона, масло для бутерброда закончилось через три дня, после заселения в гостиницу. Сахар экономил, любил он чай сладкий, по две-три ложечки на стакан, приходилось класть одну ложечку. В обеденный перерыв он быстро добегал до ближайшего магазина и брал там пакетик БП – знаменитый Ролтон, который назывался «еда Быстрого Приготовления», или «Бич Пакет». Потом в вагончике, вскипятив в эл-чайнике воду, запаривал эту «китайскую лапшу». И так он питался почти весь месяц, до первой зарплаты. На ужин у него тоже был очередной Бич-Пакет. Поэтому, приглашения в гости от нового друга, Андрея Ефимовича, были для него праздником.

Уже кончались все деньги, так усердно экономящиеся, и тут приехал на объект инженер для проверки и консультации – Андрей Ефимович. Он расспросил бригадира и рабочих, про своего знакомого, которого устроил на работу, узнал, что проявил он себя положительно, даже выбран был звеньевым в бригаде, неким маленьким «командиром», помощником бригадира, узнал и о том, что живет он на одних Б-Пешках. И после работы пригласил он Злого, заслужившего это прозвище, так как работал с рвением.

Вот и стал Михаил Антонович частым гостем дома у Андрея Ефимовича. Там они вместе готовили ужин: варили картошку с тушенкой или жарили рыбное филе, с рожками на гарнир и другое.

Но и в гостинице-общежитии Злой научился экономному питанию от других рабочих, которые жили уже давно. Они отправляли деньги семьям, а сами экономили на продуктах. Например: (Рецепт) покупали явные отходы от производства: когда в супермаркетах готовили филе куриное, то шкурку-кожу не выбрасывали, а продавали отдельно дешево, как отходы: по 20 рублей килограмм. Рабочие брали и нарезали эту куриную шкурку и пережаривали её на сковородке, до выделения жира. Туда же насыпались рожки, макароны из упаковки и пережаривались «на сухую» некоторое время, до того пока они не зарумянятся, потом заливалось это горячей водой из вскипяченного чайника, чтобы вода покрыла рожки – и всё блюдо закрывалось прозрачной крышкой сковородки. Через 10 – 15 минут рожки с куриными «потрохами» бывали готовы. Еще много других рецептов экономного питания узнал в общежитии Михаил Антонович, Злой когда прожил в общежитии более полугода.

За эти полгода работы, рвение Злого было замечено начальством и его поставили бригадиром смены рабочих. Работала бригада в прорабстве Черного, прораба строгого, и смены менялись понедельно: одну неделю одна бригада в первую смену, а другая в ночную, во вторую смену.

Большей карьеры чем быть бригадиром, за бригадирство получая надбавку к зарплате Михаил Антонович и не желал.

Часть 5. Беседы

Андрей Ефимович Скучный давно оставил всякое рвение к работе. В офисе он скучал, он не старался делать каких-либо операций, новых планов. Он только подписывал поданные от начальства, в лице Сергей Сергеевича, бумаги проектов. Мог поправить что-то явно ошибочное, но это бывало редко. Ему прискучила однообразность и бестолковость молодых инженеров-проектировщиков, которые выдавали за новшество найденные в старых журналах или в старых документах какие-то «нововведения». Если не нужно было аврально ехать на инспекцию при приближающейся сдаче объекта, – то с работы, наш Скучный, мог уйти пораньше.

Дома он включал телевизор и смотрел только новости, минут по 10 или 20, как они шли по программе. А затем шел в свою комнату-библиотеку, садился в мягкое кресло читать книгу. Около кресла на столике рядом с книгой всегда стоял графинчик с водкой и лежал на тарелке соленый огурчик. Через каждые 20 минут, после очередной главы книжки, отрываясь на размышления над прочитанным, он наливал себе рюмку водки и выпивал, откусывая кусочек огурца.

Если вечер, и в окнах темнело, он шел на кухню готовить ужин. Но не всякий день. А зная, что придет к нему Михаил Антонович, наскоро «перехватив» отрезанный кусочек колбасы, водворив её на место в холодильник, Андрей Ефимович ходил по своим комнатам, скрестив руки на груди и думал. Это было привычкой с тех пор, когда уж очень он увлекся философией религий.

Наконец, приходил Злой и после часа-полтора, после ужина, они садились беседовать у телевизора. Так было заведено. Смотрели только главные федеральные правительственные каналы. И телевизор их обоих ни сколько не интересовал, – они разговаривали. Говорили всегда разное, и каждый свое, и им обоим было наплевать на мнение другого, но спорили по философским вопросам, оставаясь, однако, при своем, несмотря на привычку соглашаться со стороны Злого.

Главное в беседах было то, – что можно выговориться и быть услышанным и это было немаловажно, а может и основное, – что тебя слушают и понимают и даже не соглашаются.

Их дружба крепилась на этих разговорах перед телевизором, звук которого, по согласию, был уменьшен и в котором мелькали картинки из новостей: аварии, аресты мошенников, репортажи с совещаний глав государств..., потом пожары, взрывы терактов, трупы и полицейские разгоны демонстраций.... События каждого дня в новостях ничуть не менялись: как всегда убивали, как всегда где-то разгоняли полицией демонстрации. Вновь арестовывали мошенников, преступников. Где-то шла война.... И это так «приелось», что можно было даже не смотреть эти передачи: «Петровка 38» или «Экстренный вызов 112» – заведомо зная, всегда кого-то убьют, а мошенники обманывают пенсионеров, грабят мирных граждан, а уж коррумпированные чиновники каждый день арестовываются, потом отпускаются укравшие миллионы, осужденные условно. Обычное дело нашего времени.

Упрек был от работяги Злого и в сторону Скучного, работника офисного:

– И ты, уважаемый Андрей Ефимович, служишь вредному делу. И жалование получаешь от людей, которые обманывают других. Строим мы из «левых» дешевых материалов, а продаем квартиры на наших объектах, – еще до сдачи далеко, а уже рекламы висят, – естественно за миллионы», – сказал как-то Злой.

– Да. – ответил Скучный – Но ведь сам по себе я ничто, я только частичка необходимого социального зла. А так-то: все чиновники вредны и даром получают жалование.... Только и делают, что подписи ставят, а получают за это огромные зарплаты. И без подписи нельзя строить. Или даже я никакое новшество не могу внедрить без подписи. Значит в своей нечестности виноват не чиновник, а время такое..., которое привело нас к такому развитию общественного порядка, – что ничего не делающие получают от производителей и рабочих всё, взамен давая им крохи со своего стола».

– Возможно всё – может и время и развитие общества виновато, – Злой был как всегда согласен. – Совершенно согласен – сказал он сакраментальную фразу. – Однако, если взглянуть на наше прошлое (!? Вопросительно с апломбом) – прошлое окажется противно: лапотная крестьянская община, рабство явное и неприкрытое, – крепостное право. Лучше не вспоминать о нем. А в настоящем что же? – и вопрос завис на некоторое время.

Они в молчании потягивали пиво, глядя на экран телевизора, на мелькающие картинки в программе «Время».

– 2 —

Их беседы за вечерним пивом перед голубым экраном очень походили на прославленные «кухонные разговоры», когда во времена советской партийной цензуры было отмечено диссидентство и «кухонные разговоры», так называемые, проходили с критикой всего негативного в жизни тогдашнего общества.

Бывают дни города, праздник ради даты образования городов, бывают дни республик, в честь их образования в 1922 – 24 годах, с моментом образования СССР.

И вот, наверное, по традиции, был день всей Страны, который, однако, не был объявлен выходным и поэтому отмечался вечером. Как водится, на федеральных каналах телевидения проходила трансляция концертов приуроченных к празднику. «Обычно, концерты в честь таких праздников подразумевают выступления национальных коллективов, песни пелись с национальным колоритом. Ведь телевидение транслируется и зарубежом, в других странах, где наши люди в туристических или деловых поездках могли бы прослушать и посмотреть песни и танцы своей страны», – об этом говорил Андрей Ефимович, Скучный.

Он почему начал свой такой монолог на повышенном тоне, явно возмущаясь в этот вечер против обычного тихого диалога со Злым. А дело в том, что на одном из главных каналов тв, явно транслирующих передачи свои с подачи властей страны, вдруг, в «праздник всей Страны» был концерт «Шансона». И не того шансона, что французский истинный шансон, а тех песен, что у нас шансоном называют, – то есть песен «приблатненных», с уголовно-преступной тематикой и окраской. Начался концерт с песенки «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла», где еще

финку в бок получает девушка за то, что «сдала», сообщила ментам про уголовное сборище, и вероятно, тех уголовников посадили в тюрьму, а товарищи их, братки, пришли отомстить.

– Как так! – тоже возмущившись, поддержал Злой своего друга. – Ведь это праздник всей Страны! Где наша «Калинка-малинка», где «Валенки», наконец! То есть – всякая власть транслирует те песни, которые ей нравятся. Нашим властям нравятся уголовные песни?! Так значит, – у власти уголовники стоят, или не судимые, но друзья тех же бандитов-уголовников! Вот, и не мудрено, что столько много в стране преступности, если у власти стоят сами преступники..., – и он еще приводил примеры того, что показывали в новостях по телевизору: и «переодетые менты» и бандиты чиновники... – все попали под осуждение.

Но грубое, мужицкое лицо Скучного озарилось улыбкой умиления и восторга перед движениями ума и эмоций его друга. Злой еще возмущался и много чего высказал критического.

– А знаешь зачем человек не бессмертен? – сказал Скучный в минутную паузу посреди речей Злого, вновь перейдя на свой обычный тон беседы.

Спокойно и не глядя на собеседника, как обычно, он стал говорить о том, что, вот, человеку даны мозговые центры и извилины, у человека есть зрение, речь, чувство прекрасного, многие люди рождаются гениями.... Но все люди смертны и всё это многообразие уйдет в почву и станет компонентом земной коры, и будет носиться в космосе вокруг солнца вместе с планетой! Поэтому человек не столько значителен, как он себе представляет.

– Вот и индусы со своими Ведами и Буддисты утешают себя перерождением, – что тело наше будет со временем жить в траве, в камне, в жабе или в другом животном организме. Бессмертие свое те восточные религии видят в обмене веществ и в некоем законе сохранения энергии. Вот тут загвоздка и стоит: душа и личность человека – бессмертны ли? – сказал Скучный.

Перевод разговора в такие высокие материи несколько не смутил Злого. Он быстро переключился с темы социальной, будто щелкнул выключателем в мозгу:

– А вот недавно космонавты приземлились, видел по новостям. С другой стороны, за последние годы, в конце века и в начале нового столетия, во всей науке произошла сказочная перемена. Взять, к примеру, медицину.... Это ж надо, как продвинулась наука, какие операции делают, аж сердце меняют, – не то что раньше, во времена алхимии и магии и шаманства. Кроме рентгена, еще 100 лет назад ничего не было, а сегодня (!), каких только приборов нет: и ультразвук и лазерные ножи. А уж про Генетику и рассказывать страшно: овечка Доли из пробирки выросла, и женщины рожают, из пробирки пересаженных детишек. Аж страшно становится... – человек к Богу приблизился, сам человек – Творец. А ты говоришь, что человек «малозначителен». Ого-го! – закончил с пафосом Злой, в жестикуляции подняв палец вверх.

– Это все так, конечно, и наука вперед пошла, но кажется чуть-чуть что-то не так даже с наукой, – ответил Скучный и продолжал своим тихим пессимистическим голосом. – Общество не только из элиты состоит, и совсем наоборот, элита только маленький процент общества. Ты же знаешь, что все эти достижения науки для широких масс людей недоступны. Сколько стоит операция (?) – в тысячи долларов оценивают все эти пересадки органов и прочее. Кому они доступны, а? – и в ответ, Злой кивнул головой, сквозь глоток пива глухо сказав свою дежурную фразу:

– Совершенно согласен, – а Скучный продолжил свой монолог.

– Пока наша научная мысль человечества носится вместе с Землей вокруг Солнца в открытом космосе нашей Галактики, – рядом с нашим домом стоит рядовая больница с тремя корпусами, и я там лежал, когда болел «мышинной лихорадкой». —

И Скучный рассказал свою жизненную правдивую историю:

«Начальство у нас сменилось, года 3 назад. Пришел молодой начальник, моложе меня лет на 10. И, то ли я приглянулся ему..., но он, начальник наш Сергей Сергеевич, решил, видимо, сделать меня своим другом. Весной он пригласил меня на свою дачу в пригороде.

И сам он впервые после зимы..., приехали мы, и я помогал в уборке зимнего и подготовке участка к летнему сезону: убирали мы с кустов материал, – на зиму кусты гортензии, розы были укрыты и обмотаны. А потом открыли «подпол» в дачном домике. В подполье были банки с соленьями (он хотел похвастаться огурчиками к шашлыку) и вареньями. Там, в подполье на полу валялись дохлые мыши, около полок, на которых банки стоят. И, – ты знаешь, что некоторые женщины, увидев мышку, истерично кричат и пищат?! Так вот и тут, Сергей Сергеевич, как заправская блондинка, закричал, увидев мышку и выскочив из подполья, готов был и на стул ногами вскочить, как принято у женщин. Ну, что ж. Взял я совок и веник и еще черный целлофановый пакет и полез выметать мышинный помет с трупиками двух мышек. Вот так я и заразился той лихорадкой: выметая мышинный помет, я поднял пыль, которую и вдохнул, видимо, и вирус попал мне. А болезнь оказалась страшная: температура под 40 и бред и понос и рвота, потеря сознания.... А потом 40 дней на уколах антибиотиками, промывание желудочного тракта и клизмы три дня подряд, и прочее и прочее, пришлось мне перетерпеть в нашей рядовой больнице. Посмотрел бы ты, в каких условиях, и на каком уровне стоят больницы наши (!) – а то, тоже мне, «наука на грани фантастики»! Люди по-прежнему томятся в старых больничных корпусах, где штукатурка с потолков в миску с супом падает. Статистика, отчетность составленная чиновниками обманывает нас. Всё больничное дело, как и 50 лет назад, построено на воровстве и обмане, врачи, плохо учившиеся в наших Вузах, явные шарлатаны, – вместо, тобой упомянутых, приборов используют народные клизмы! Реализуют рекламные препараты и таблетки-пустышки. Лично мне новый анальгин, дорогой «упса», совсем не помогал.

Наверное, и во всех областях жизни общества достижениями науки пользуется только богатый человек. А богатые у нас – это 1% от большой растущей массы людей. Так что, до процветания нам еще далеко».

В тот раз опять все закончилось пресловутым – «Совершенно согласен» со стороны Злого, но видно было по его задумчивому лицу, что он в чем-то не согласен и пока сам не понимает в чем. Обычно Злой уходил не задумываясь, открыто глядя на окружающее, а тут он смотрел вниз.

Часть 6. Религия

Молодой начальник, директор Строй фирмы, Сергей Сергеевич, оканчивал школу уже в 21 веке. И с начала 90-х в школу к ним начал ходить священник, занятия с детьми по «Закону Божьему» велись сначала факультативно. Родители Сергея Сергеевича отдали его священнику в попечение сразу, и бабушка настаивала, и мода на религию была в тренде. Так Серей Сергеевич пристрастился к «модной» религии и ходил с бабушкой в Церковь.

Теперь же, заведя в своем офисе религиозную составляющую, принялся и сотрудников наставлять и приучать к религии.

Поначалу, когда Андрей Ефимович получил книжечку от начальника, и один раз сходяв с ним в Церковь, подумал, что его оставили в покое. А оказалось – нет, начальник был занят другими сотрудниками, – он миссионерствовал среди женщин планового отдела и бухгалтерии. И вскоре очередь по миссионерскому наставлению дошла и до Скучного. Прошло довольно длительное время, с полгода, наверное, как начальник пришел к нему в кабинет для разговора:

– И что я слышу, дорогой Андрей Ефимович, ты и прозвищем обзавелся, – «Скучный», говорят! – с улыбкой начал Сергей Сергеевич.

– Особенно веселиться не приходится, невесело мне от жизни в одиночестве. Хватит, по молодости навеселился, – так отвечивал Скучный.

– Ну, вот и похвально. Но, не надо опускать руки, самое время и о душе подумать, – говорил Сергей Сергеевич, продолжая разговор. – Вас все ценят и любят (неожиданно перешел он на «Вы», что не сулило ничего хорошего), за образованность и благородство души. Не ску-

чайте, мой друг. Не зря же заметили все окружающие скучность вашу, – это грехи на душе, вероятно, лежат грузом.... И вот, я предлагаю в выходные поехать с нами, так сказать – развлечься с пользой. На пятницу я предоставлю Вам выходной, отгул, а в субботу утром мы выезжаем в паломническую поездку в монастырь. Билеты на автобус уже заказаны, Церковь организует поездку, – предложил Начальник. И это было такое предложение, от которого отказаться было сложно.

«Ехать куда-то, неизвестно зачем, без книг и без пива (верующие же). Резко нарушить свой заведенный порядок, установившийся за последние годы...» – такая идея в первую минуту показалась Андрею Ефимовичу дикой, и он хотел было отказаться. Но. Он подумал, что если едут и женщины и другие сотрудники офиса и, наверное, – «не надо огорчать молодого начальника», как принято. Он уточнил время. Назначено было на раннее утро собираться у Храма.

А в пятницу он созвонился с другом, пригласить его на разговор-беседу. И поскольку смена Злого была вечерняя в эту неделю, и они не встречались, а посоветоваться Скучному надо было, просто поделиться, – Михаил Антонович пришел к нему днем.

Андрей Ефимович решительно достал пиво из холодильника, но Злой решил ограничиться одним стаканчиком, ему идти надо было во вторую смену к 5-ти вечера, поэтому он больше говорил. А обсудить решили Веру Христианскую и вообще религию в связи с приглашением начальника и будущей поездкой с ним в монастырь.

Злой довольно резво о религии рассуждал, считая всё мифом и выдумкой, Скучный же, будучи уже начитанным по книге подаренной начальником, пытался Веру слегка оправдать.

– Да, представляю себе, – говорил Злой, – если в детстве ему в школе про Бога-Христа рассказывали, то вот, и внушили убежденность религиозную. Дети, они восприимчивы к чудесам и сказкам. А Христос чудеса только и творил: то по воде пешком ходил, то воду в вино превращал. А уж больных-то сколько лечил.... Даже мертвого Лазаря воскресил. Чудо. Он, таким образом, вообще, – был маг и факир. Вся литература полна рассказов про Его чудеса. А детям цирк и иллюзионисты нравятся... —

Теперь уж Скучному пришлось во многом соглашаться со Злым. Он начал возражать только в вопросах о нравственности:

– Ибо религия проповедует: не убей, не укради, почитай родителей и уважай старших. И почитание предков у нас, и похороны да поминки, всё проходит по религиозному обряду, – говорил Скучный явные вещи.

– Естественно-понятно. Много нравственности несет Христианская религия – отвечал Злой. – Но столько же нравственности есть и в других Верах! Например, Буддисты складывают руки ладошками и кланяются перед старшими, а при этом сжигают своих умерших на кострах. Так и мы уже давно придумали Крематории. А еще, с другой стороны – эта религия, любая, дает неверное представление об окружающем мире. Особенно детям прививают другое восприятие. Жития Святых и прочие легенды в сказаниях посмотреть: дети думают, что весь мир наполнен ангелами и бесами, в темном лесу духи живут, а в злых людях бесы живут. Дети вообще верят в фей и эльфов разных. По религии, так и во взрослой жизни будет думать человек, что ангелы везде и всюду, а бесы подножки нам ставят.... И то, что Земля вращается вокруг Солнца, как говорил Галилей, – Церковь признала не так давно в двадцатом веке, и Джордано Бруно сожгли. А уж в связи с бесами, сколько тысяч было женщин сожжено инквизицией, – ты знаешь! —

Да – да, согласен, – и Скучному трудно было найти какое либо возражение, но после паузы разговор продолжился.

– Главное, наверное, в том и состоит, что умеет Церковь признавать свои заблуждения. А насчет жертв могу сказать: и Искусство требует жертв. А любое новшество без жертв не обходилось. Скажи, – когда самолеты строили: многие падали и умирали, и до сих пор самолеты, кстати, падают. Конечно, уж строительство нового общественного строя точно без крови не обходилось. И когда Христианство только пробивало себе дорогу сотни святых были

казнены в Римской империи, устраивали даже издевательства на стадионах над верующими. А инквизиция была не от Веры, а от власти. Потому что власть «приватизировала» себе эту религию, и использовала толкую превратно суть учения. – снова спокойным голосом говорил Скучный.

– Согласен – сказал заученно Злой, – однако! Но все-таки много глупого в сказаниях и явно вымышленного, научные достижения объясняют многие «чудеса» физическими законами материи. Наука опровергает чудеса Веры. —

– Конечно есть некоторое «безумие» кажущееся глупостью. А вообще – «безумие ради Христа» называется в Христианстве – юродством. И первым, кто употребил такое выражение – «Мы безумны Христа ради», – был святой апостол Павел в своем послании к Коринфянам, я недавно прочел в Новом Завете. Павел апостол несколько раз говорит о безумии. Во всех высказываниях сущность выражений сводится к тому, что в глазах людей мирских, считающих себя «мудрыми», все христиане «безумны», так как веруют в господа Иисуса Христа, как в Божию Силу и Божию Премудрость и в спасительность Его креста: «ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» так в послании к коринфянам написано. И далее – смотри, – сказал Скучный, доставая с полки Новый завет и открыв книжку на закладке. – По апостолу Павлу, – «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное», – зачитал Скучный и продолжал свою речь в защиту Веры. – По этим словам апостола Павла, все христиане в глазах мира сего являются «безумными Христа ради», ведь, всё, что мир считает важным, ценным и великим (богатство, удовольствия, страсти наслаждения), христианство почитает за ничто, а всё, что миру представляется безумным (воздержание, подвиг, самопожертвование и т. д.), для христиан является наивысшими ценностями, с помощью которых они организуют свою жизнь для достижения цели своего бытия – приближения к Богу и соединения с Ним. —

– Ага. Слово юродство, синоним которому является безумие, совсем к религиозным заповедям не подходит. Эти «подвижники», которые заслужили такое имя, ведь, они и для «нормальных» христиан были «безумцами». Тут же проповедуется и не убий, и прочее возвышенное чувство к человеку, как «возлюби ближнего, как самого себя», и тут же самоуничижение, сродни убийству в себе всякого разума человеческого. Где логика? – спросил Злой.

– Ну, безумство ради Христа предполагает в человеке наличие двойной жизни: внешней и внутренней, не похожих одна на другую. Внешняя – полностью необъяснимая нормами этого мира (поэтому непредсказуемая) – жизнь вне всяких правил поведения, законов, ограничений, скинувшая оковы. А внутренняя жизнь юродивого известна только Богу и развивается в глубинах человеческого разума, где душа его встречается с Богом. – оправдывал Скучный юродство.

– Помилуй, о чем новом речь? – снова возражал Злой. – Мыслящий и вдумчивый человек при всякой обстановке может находить успокоение в самом себе. То же свободное и глубокое мышление, которое стремится к уразумению жизни. А полное презрение к суе миру было еще у стоиков. Диоген жил в бочке, однако же был счастливее всех царей земных! И это пройденный этап. . . . – Тот же Диоген был болван. Жизнь надо любить, надо любить жить! – заключил Злой. – Стоики, которых пародируют те же юродивые, были замечательные люди, но учение их застыло две тысячи лет назад и ни капли не продвинулось вперед, и не будет двигаться, так как оно не практично и не жизненно. Христианство многое взяло из тех древних учений: проповедует то же равнодушие к богатству, к удобствам жизни, презрение к страданиям (Христос терпел и нам велел). Вот что смущает и не понятно для большинства людей. Потому что громадное большинство никогда не знало ни богатства, ни удобства в жизни; а презирать и терпеть страдания – значит презирать саму жизнь. Всё существо человека состоит из чувств и ощущений – голода, холода, обид, потерь близких и страха перед смертью. Человек должен бороться за жизнь, нужна человеку и чуткость к боли и способность отвечать на раздражение. . . . Извини, я не мудрец и не философ и не могу рассуждать – закончил, допивая свое пиво Злой.

– Нет, наоборот, ты прекрасно рассуждаешь. – Поддержал друга Скучный.

В этот раз они расстались, не закончив разговор, остались на неопределенно этапе рассуждений. Андрей Ефимович еще до вечера перебирал книги. И в одной недавно купленной в церковной лавке нашел о юродстве объяснение старца-епископа.

А Злому предстояло работать на строительстве монолитного здания.

Часть 7. Стройка

Михаил Антонович, по сути, был добрый и чувствительный человек, он сентиментально мог прослезиться от чувств, но был вспыльчивый иногда чрезмерно. Ему не нравилась робость рабочих, особенно новеньких, бестолковость их вопросов, когда переспрашивали очевидные по плотницкой работе вещи: сколько расстояние внизу сколачиваемого каркаса, когда верх только что сколочен был в нужный размер, – ибо очевидно, что и низ того же размера должен быть. Михаил Антонович раздражался и кричал громким голосом: «Ты что не видишь! Ты что дурак!» Сколько вверху делал (?) ... столько и внизу! Каркас что – кривой будет что ли (?)...». Так что за это и был прозван он Злым: «ничего спросить нельзя, кричит как...» – говорили рабочие. Но, тем не менее, его уважали за его смекалку и знание своего дела.

При монтаже лестничной площадки снизу ставились стойки, на которые укладывались балки из бруса, ложилась на балки фанера-ламинат, а вот «зуб», за который должен был цепляться лестничный марш, нужно было рассчитать, изготовить и укрепить в точности. Вот эту самую точность производил Михаил Антонович сам лично.

Случилось, что лестничный марш не подходил ко входу-выходу из подвала дома, где была автостоянка. В ста метрах от дома построена квадратная будка – вход-выход из подвала, а расстояние до пола подвала с поверхности было большим. Тут пришлось на стойках ставить фанеру под углом в 45 градусов, а саму лестницу нужно было нарисовать на стене и по этому рисунку уже сбивать поперечные перегородки под ступени. Когда навязали арматуру и залили бетоном эту самодельную лестницу оказалось, что в самом низу 2 ступеньки были короче, чем все верхние нормальные. Эту лесенку в первую смену рисовал молодой прораб. «Кто так сделал (?), что за урод, как он по этим ступенькам хочет ходить (?) ... – кричал Михаил Антонович – «Ну что за человек, рассчитать не мог (?)».

Злой злился, и он заставил обе нижние ступеньки раздолбить. Он сам сделал нижнюю ступеньку тоньше, чтобы вторая получилась нормальной, исправил всё.

А основная работа в эту смену шла над перекрытием 10-го этажа. На готовую площадку из фанеры монтировались коробки под отверстия для канализации, тут же вязалась арматура. Бригада монтажников-бетонщиков заливала комнату за комнатой. До полуночи, пока подвозили бетон, успели залить половину этажа. А бригада плотников трудилась над второй половиной. Все рабочие были распределены, каждый на своем месте. Злой, как бригадир, знал своих людей: этот боится высоты – и на край его ставить нельзя. А вот тот плохо прибывает – «на соплях» и гвозди у него гнутся, так что бортики и держаться не будут, отлетят, когда бетоном будут заливать площадку, и лучше поставить «старика», пожилого рабочего, – он и высоты не боится и прибьет всё как следует. Как руководитель, как бригадир, Злой был хорош для начальства. Но он и сам много работал. И работал на всех операциях строительства. Он ходил и в столярку, чтобы сделать точные коробки из фанеры под двери и окна, ходил и наверх, на этажи, чтобы смонтировать углы и закутки комнат лично, убедиться в том, что всё правильно по чертежу, в чертежах он отлично разбирался.

Когда спешит человек, всегда он делает ошибки, маленькие неточности приводят к огрехам в работе. Очень часто случались огрехи в работе монолитчиков. Спешили потому, что заказчики торопили. Строили элитный жилой комплекс, это несколько зданий с огорожен-

ной территорией, куда пропускают по пропускам и сильная строгая охрана защищает богатых людей от всего остального мира.

Прячутся богатенькие. Это началось с тех самых времен, когда капитализм восторжествовал. Забыты дворовые знакомства соседей по дому и по району. Люди разделились: на имеющих деньги и бедноту. Имеющих деньги оказалось мало, и они отделили себя, от основной массы людей, которая вмиг оказалась бедной (помните, как все сбережения обесценились, 1000 рублей превратилась в 10) – начали строить шестиметровые заборы в элитных дачных поселках, а потом и в городах обносили свои дома заборами, нанимая ЧОП для охраны.

Бетонщики спешили и сбивали стойки упоры в коробках на окнах и в проемах дверей, которые плотники ставили, тогда бетон протекал и застывал, на стенах оставались бугры, проемы дверей и окон оказывались неровными. Для исправления огрехов, чтобы отдолбить лишний бетон, выровнять проемы окон или дверей была нанята бригада гастарбайтеров из Узбекистана приехавших на работу.

Дали и бригадирю Михаилу Антоновичу двух узбеков. Он поставил их на девятый этаж. Взяли они шлифовальную машинку и перфоратор. Сложно всю работу объяснял он узбекам, плохо они понимали русский язык. Пришлось ему самому сделать начало работы. В готовой комнате он подчеркнул мелом все огрехи и начал сбивать первые подтеки бетона на стене перфоратором. Потом стену выравнивал шлиф-машинкой. Показав работу, сам Михаил Антонович ушел на верхние этажи, к основной бригаде.

Бывают в работе перекуры. Когда натрудившись и устав, рабочие садятся отдохнуть. И в тишине перекура Михаил Антонович и все рабочие слышали как гудит и работает на 9-ом этаже, внизу, перфоратор. Это узбеки долбили без перекура, без перерыва и долбили уже довольно долго; полчаса или минут 40, как начали узбеки работать и перфоратор не замолкал ни на минуту. Рабочие заметили, кто-то сказал, что не выдержит техника, – перегреется и сгорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.